

## ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ П.И. НОВГОРОДЦЕВА НА ИДЕЙНЫЕ НАЧАЛА КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

© 2016 г. Индира Ураловна Аубакирова<sup>1</sup>

*В статье рассматривается влияние идейных оснований философско-правового учения П.И. Новгородцева на евразийское учение. Автор показывает интерпретацию представителями русской эмиграции таких вопросов, как гражданское общество, демократия, взаимоотношения власти и общества, власти и индивида. Проводится мысль, что идеи ученых находились в постоянной динамике, но в целом развивались в соответствии с традициями русской правовой мысли. Отмечается, что воззрения П.И. Новгородцева и евразийцев расходились в понимании соотношения интересов общества и интересов личности. При том, что все ученые указывали на важность соблюдения баланса в подобном соотношении, тем не менее П.И. Новгородцев полагал личность как конечную цель достижения общественной гармонии. Евразийцы склонялись к эгалитаристским позициям.*

*The article discusses the influence of the P.I. Novgorodtsev philosophical and legal doctrine on the Eurasian doctrine. The author shows the features of the Russian emigration representatives' interpretation of such issues as civil society, democracy, the relationships of government and society, government and personality. The ideas of scientists always were in dynamics, but generally they developed in frames of the Russian legal traditions. The paper describes that the Novgorodtsev views and the approaches of Eurasians diverged in understanding the relation of society interests and interests of individual. All of the scientists pointed to the importance of respecting the balance in such relationship, however, Novgorodtsev assumed a personality as the ultimate goal of achieving social harmony. Eurasians tended to egalitarian positions.*

**Ключевые слова:** П.И. Новгородцев, евразийство, русская правовая традиция, демократия, интересы личности и интересы государства.

**Key words:** P.I. Novgorodtsev, eurasism, Russian legal tradition, democracy, the interests of personality and the interests of state.

В евразийском учении классического периода политико-правовая проблематика является одной из опорных, и во множестве затронутых в ней аспектах определенно усматривается идейное родство с воззрениями П.И. Новгородцева. Подобное обстоятельство отнюдь не удивительно, учитывая, что под сенью основанного и возглавляемого названным русским философом права Русского юридического факультета в Праге училась и преподавала значительная часть представителей евразийства<sup>2</sup>, занимавшаяся юридической проблематикой. В их числе Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Н.А. Дунаев, П.Н. Савицкий, Я.Д. Садовский, Г.В. Флоровский<sup>3</sup>, К.А. Чхеидзе. При этом Н.Н. Алексеев, на которого в основном возлагалась задача разработки юридического блока вопросов в рамках евразийства, являлся его учеником, а по целому спектру аспектов и последователем.

Объединяет воззрения П.И. Новгородцева с евразийцами стремление рассматривать государственно-правовые феномены с точки зрения сопряженности рационализма с историзмом (при преобладании первого), абстрактно-спекулятивных компонентов с эмпирическими, нравственными норм и принципов с формально-юридическими. Придерживаясь либеральных воззрений и будучи теоретиком возрожденного естественного права, П.И. Новгородцев при этом, по сути, отстаивает государственнические взгляды, указывая на недопустимость безгосударственного состояния, рассматривая государство как способ реализации свободы и права на достойное человеческое существование, обосновывая необходимость активного воздействия власти на социальные отношения, в чем он также близок евразийцам.

Стоит отметить, что после революции 1917 г. в воззрениях П.И. Новгородцева начинают прослеживаться иная философско-правовая интерпретация воззрений русских мыслителей, стоявших на почвеннических позициях, и переосмысление роли национальных ценностей, духовных основ, культуры народа. В Праге им разрабатывается и читается курс лекций на тему “Кризис западничества”, интерес к которой и послужит основой его сближения с евразийцами<sup>4</sup>. В своей книге “Об общественном идеале”, впервые изданной в 1917 г., П.И. Новгородцев обосновывает, что нельзя отождествлять общественный идеал с национальной

<sup>1</sup> Докторант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (E-mail: indastana@gmail.com).

Indira Aubakirova, doctoral student of Department of theory of state and law and political science of the law faculty of Moscow state University named M. V. Lomonosov (E-mail: indastana@gmail.com).

<sup>2</sup> Б.В. Назмутдинов замечает, что само евразийское учение на факультете по ряду причин не преподавалось. См. подробнее: Политико-правовые аспекты классического евразийства. Материалы “круглого стола”: тезисы, стенограмма, обзор дискуссии. Москва, 22 ноября 2012 г. М., 2013. С. 6.

<sup>3</sup> Г.В. Флоровский был в ряду основателей евразийского движения, но впоследствии отошел от него.

<sup>4</sup> См.: Соболев А.В. Павел Иванович Новгородцев // Новгородцев П.И. Об общественном идеале / Сост., подгот. текста, вступ. ст. А.В. Соболева. М., 1991. С. 9.

миссией какого-либо народа, посему для него неприемлема позиция, в частности, Виндельбанда, усматривавшего в культуре единственную нравственную ценность каждого общества, за которую оно должно отдать “последнюю каплю своей крови”, и резюмирует, что не “своя система культуры”, а высшие сверхнародные и абсолютные начала служат руководящей нормой для каждого народа и что только в свете этих начал получает значение и оправдание каждая отдельная система культуры”<sup>5</sup>.

Однако в работе “О своеобразных элементах русской философии права” (1922) прослеживается переоценка ученым соотношения универсального и уникального в развитии социокультуры. К подобной трансформации взглядов мыслителя применимы слова, использованные им самим при характеристике ситуации, когда “самые воодушевленные западники в конце концов, сами того не зная, превратились в славянофилов. Углубляясь в изучение жизни своего собственного народа и подходя ближе к европейской культуре, они нередко убеждались, что слишком поспешно отрицали самобытные пути России и что Запад не является единственным и безусловным образцом всякого развития культуры”. Западный ученый не может понять своеобразия “недисциплинированного” Востока.

Русская идея противопоставляет западному идеалу другой, а именно то, что высшая цель культуры состоит не в строительстве внешних форм жизни, но в их духовной, внутренней сущности, что при этом отнюдь не означает, что она (идея) отрицает западноевропейскую культуру, правовые и государственные образования. Она “не только признает право и государство, но обосновывает эти образования, как и внешние формы культуры вообще, но в своих учениях и пророчествах она придает этим формам лишь второстепенное значение”. Жизненные реалии народов Запада более упорядочены, но порядок их становится все менее духовным и все более механическим. Личность здесь стала неприметным атомом сложной системы, и хотя свобод, перечисленных в конституциях, много, но духовной свободы здесь не знают “не из-за юридической невозможности, а вследствие объективных условий культурного порядка на основе его механического автоматизма, его нивелирующего гнета над человеком, его внешнего сухого господства над людьми”. П.И. Новгородцев резюмирует: “В этом нашем скифстве, в этом нашем азиатском ходе мысли заключен исток того нового, что мы несем миру. То, что традиционному западному взгляду кажется искажением понятий, есть в действительности дух новой жизни, который начинает давать о себе знать в истории”<sup>6</sup>.

В написанной в 1923 г. работе “Восстановление святынь” ученый обосновывает, что истинное национальное чувство не ограничивается только тем, чтобы подчинять себя сознанию общих связей и государственного единства, необходимо ощущать душу народа, его особый, своеобразный образ. Следует “стремиться понять особые пути России, ее особый жребий и... разглядеть ее живую душу и ее призвание, не примеряя к ней чужих мерок, а стараясь помочь ей идти своим путем для блага и своего собственного, и всего человечества”<sup>7</sup>. Нетрудно заметить, что подобная интерпретация духовно-нравственных начал государственности свойственна для евразийского учения, базовой исходной предпосылкой

которого является идея о своеобразии социоисторического развития народов России – Евразии и в котором концептуализация общественной и государственной сфер осуществляется в контексте культуры.

Одной из животрепещущих проблем в дискурсивных практиках той переломной эпохи становится проблема общественного идеала в ракурсе исканий ответа на вопрос, возможен ли рай уже в этой, земной жизни и должен ли человек приносить себя в жертву во имя приближения подобного грядущего светлого будущего. Говоря иначе, актуализируется сложный и многогранный вопрос о соотношении личного и общественного начал в достижении социального прогресса. Прочтение работ показывает, что критика марксистских постулатов П.И. Новгородцева и Н.Н. Алексеева покоится на схожей аргументации.

По мысли П.И. Новгородцева, все социалистические теории несут печать утопического устремления к земному раю, но марксизм доводит такое устремление до крайних форм, становясь своего рода религией, в рамках которой радикализуется абсолютный коллективизм, содержится обещание всецелого удовлетворения материальных и духовных потребностей, предлагается “человеку все, чего алчет и жаждет его дух”. Подобный “конец истории” (“благодатный предел истории”) становится возможным при условии абсолютного слияния личности с обществом. Марксизм рассматривает признание прав человека движением к жизненному содержанию эгоистической личности с ее индивидуальным интересом и предлагает уничтожить разделение общества и государства путем поглощения первым последнего при помощи обобществления личной жизни, когда отпадает необходимость в стоящей над человеком политической силе. Но полное слияние общего с частным было бы и уничтожением свободы, отрицанием творческого разнообразия индивидуального труда и индивидуальной жизни, самобытности частных интересов и стремлений. В реалиях сила власти социалистического государства с неизбежностью станет гораздо сильнее власти современного государства, принудительное действие ее на отдельных лиц будет гораздо энергичнее. Нельзя, к примеру, представить подобное государство без всеобщей обязательной повинности труда, за выполнением которой должны будут следить государственные органы. Государство занимается и производством, и распределением продуктов, оно вынуждено будет бороться против нарушений установленного им порядка, что потребует сильной организованной власти<sup>8</sup>.

В работе “Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства” (1928) Н.Н. Алексеев пишет, что в основе коммунизма лежит проповедь наслаждения и материального благополучия уже в этом, эмпирическом мире. Между тем мир, в котором “царствует полное изобилие, мир молочных рек и кисельных берегов, есть наивная сказка. И к миру сказок нужно отнести социальный порядок, в котором всего так много, что не нужно уже никакой собственности, ни индивидуальной, ни общей”. Последовательный отказ от материального мира умалает мотивацию к труду, поощряет лень и потребует неимоверных усилий по контролю за дисциплиной. Хотя теоретически порядок, при котором упразднена частная собственность и которым управляет один (единоличный или коллективный) хозяин, выглядит как совершенный, он игнорирует движущую силу, главенствующую в социальных реалиях: начала личного расчета и эгоизма. Капиталистическое общество

<sup>5</sup> Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 117, 118.

<sup>6</sup> Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Соч. М., 1995. С. 367–386.

<sup>7</sup> Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 575, 576.

<sup>8</sup> См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 218, 274–279, 307.

основано на жестоком принципе, и его можно отвергать из человеколюбия, но нельзя не придавать ему значения. Существование частной собственности создает “многоярусность” социального устройства: деление на свободную область распоряжения вещами, принадлежащими множеству самостоятельных субъектов (гражданскому обществу), и на возвышающийся над ней, управляемый из одного центра или из многих иерархически подчиненных друг другу центров аппарат публичной власти. Уничтожение института частной собственности означает, что уничтожается подобная масса самостоятельных субъектов. Стало быть, остается общественное целое, которое становится единственным субъектом права собственности. Тем самым устраняется деление на частную и публичную сферы. Введение такого порядка позволит, по К. Марксу, получить человеку полную свободу<sup>9</sup>. Однако в реалиях государство при социализме превращается в некую единую принудительную организацию, в которой уже нет сферы частной и публичной, становясь неким сверхгосударством или же распадаясь на самостоятельные части, разлагаясь на ряд независимых общин анархического типа. При социализме органам государства вручается управление не только политическими делами, но и всей экономикой, производством и распределением, и при этом произвол такого государства, как предполагается, будет сдерживаться его демократическим устройством. Между тем, несмотря на всю внешнюю привлекательность подобного плана, люди будут в таком союзе проводить не часть своего времени, но всю свою жизнь: родиться, расти, жить и умирать вне зависимости от их намерения и воли. Ввиду этого такая государство-подобная ассоциация не может не быть обществом, обладающим значительной внутренней дисциплиной и властью, и власть государства с неизбежностью станет властью с универсальными функциями. С уверенностью можно констатировать, пророчесует Н.Н. Алексеев, что властный характер подобной демократии будет жестче власти буржуазного государства, поскольку задачи власти в первом шире, чем таковые в последнем. Демократизованное государство-собственник всегда будет стоять перед соблазном эксплуатации. Оправдание порядка частной собственности заключается в том, что при его наличии дается принципиальная возможность воздействовать на собственников со стороны государства как стоящей над собственностью высшей, нейтральной силы. А проекты социалистического устройства как раз эту возможность уничтожают<sup>10</sup>.

Близкие в идейном плане сюжеты наблюдаются в рассуждениях П.И. Новгородцева и евразийцев относительно понимания демократии не только в марксистском учении, но и в западной (“заатлантической”) мысли. Так, по П.И. Новгородцеву, в рамках западных теорий происходит фетишизация демократической процедуры, господствует представление, что только точное ее соблюдение может выявить волю народа. Однако в реалиях подобная процедура отнюдь не является гарантией этого. “Дело не в том, чтобы власть была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взирала на свою задачу как на дело Божие и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения”. Необходим дух жертвенной готовности служить общему и целому. Механические выборы и внешние формы власти не способны сами по себе вывести народ на новый уровень развития, это осуществляется только посредством изменений в общественном

сознании<sup>11</sup>. Демократия есть самоуправление народа, но для того, чтобы она не была фикцией, народ должен созреть для управления самим собою, сознавать свои права и уважать чужие, понимать свои обязанности и быть способным к самоограничению. Подобный уровень политического сознания достигается в результате долгого жизненного опыта, и чем сложнее задачи, которые стоят перед государством, “тем более требуются для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжение всех нравственных сил”<sup>12</sup>. Критика П.И. Новгородцевым “оскудения демократической идеи”, его размышления о необходимости служения на принципе жертвенности целому и роли правосознательного фактора находят в евразийстве обоснование в идее демотического устройства государственной власти.

В условиях западной демократии, констатируется в евразийстве, вся власть концентрируется “в небольшом и оторванном от народа правящем слое”, где “за кулисами вертят чуть ли не все банкиры”. Государственная власть является по существу олигархической, хотя и именуется демократической. “В демократическом государстве — утверждает Л.П. Карсавин, — “народ” сводится к голосующему время от времени и дезорганизованному населению, права которого сведены буквально на нет тем, что оно фактически только переизбирает предлагаемых ему и мало ему известных депутатов”. Кризис европейской государственности объясняется органической болезнью европейской культуры, в которой нравственные ценности оказались ниже материальных<sup>13</sup>. Говоря словами Н.С. Трубецкого, “западная жизнь породила великий собственнический эгоизм среднего обывателя, вытекающее из культа собственности вешепоклонство, формализм в представлениях о своих обязанностях, интересующийся только “внешней правдой” человеческих отношений, а не “правдой внутренней”, не их нравственным содержанием”<sup>14</sup>. В Новое время утверждается философия “воинствующего экономизма”, при котором европейское общество “свое научное и техническое “совершенство” купило идеологическим и более всего религиозным оскудением”, — это та идеологическая цена, которую заплатила Европа за экономический подъем<sup>15</sup>. Между тем государственная политика должна базироваться не на предоставлении возможности наибольшего обогащения, а на началах служения каждого согражданам и народногосударственному целому<sup>16</sup>. В государстве нравственная основа (внутренняя правда) должна преобладать над формально-правовым (внешней правдой) фактором. Они не взаимоисключаемы, но следует исходить из того, что “не в совершенном законодательстве, а в духе, создающем и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию, следует искать грядущий идеал”<sup>17</sup>. Наиболее приемлемой формой является *демотия* (от демос — народ) — модель управления, синтезирующая элементы демократии и элитизма. Н.Н. Алексеев полагает, что “Россия не может быть управляема иначе, как при помощи организованного и сплоченного правящего отбора”<sup>18</sup>. Отбор в правя-

<sup>11</sup> См.: *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 580.

<sup>12</sup> *Новгородцев П.И.* Демократия на распутье // *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. С. 548.

<sup>13</sup> См.: *Карсавин Л.П.* Основы политики // В кн.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 387.

<sup>14</sup> См.: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. С. 330.

<sup>15</sup> *Савицкий П.Н.* Евразийство // В кн.: Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. тр. евразийцев. М., 1997. С. 272, 273.

<sup>16</sup> Евразийство (формулировка 1927 г.) (см.: Евразийская хроника. Вып. 9. 1927. С. 169).

<sup>17</sup> *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 88.

<sup>18</sup> *Алексеев Н.Н.* Указ. соч. С. 167.

<sup>9</sup> См.: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 2003. С. 204–207, 217–219.

<sup>10</sup> См.: там же. С. 242–253.



ший слой следует производить, исходя не только из общего мировоззрения, но также из “готовности принести себя в жертву идее-правительнице. Этот элемент жертвенности, постоянной мобилизованности, тяжелой нагрузки, связанной с принадлежностью к правящему отбору, необходим для уравнивания тех привилегий, которые неизбежно тоже связаны с этой принадлежностью”<sup>19</sup>. Подобной идеей-правительницей является благо евразийских народов.

По мысли П. И. Новгородцева, правовое государство, возлагая на себя миссию общественного служения, признает право на достойное человеческое существование. Без материальных условий свобода граждан может просто остаться “недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически”. Право во имя достоинства личности должно взять на себя заботу об обеспечении права на достойное человеческое существование<sup>20</sup>. Это требует устроения жизни путем создания соответствующих материальных условий для развития общества, что является нелегкой задачей, стоящей перед государством, и не может осуществиться немедленно, как и в целом задача “достижения всеобщей гармонии”<sup>21</sup>.

Рассматривая социальную функцию государства, Н. Н. Алексеев шествует по идейным следам своего учителя и обосновывает ее в рамках идеи о гарантийном государстве. Миссией евразийского гарантийного государства является освобождение “людей от жестокостей личной борьбы за существование” путем создания среднего уровня зажиточной жизни и ликвидации нищеты и бедности (принцип материальной интенсификации жизни). Подобное государство отрицает “экономический материализм”, но не приемлет

и либеральных воззрений о возможности свободы без организующей роли государства в экономической и социальной сферах<sup>22</sup>.

Вместе с тем между идейными конструкциями П. И. Новгородцева и евразийцев существуют и расхождения. Прежде всего они проистекают из восприятия Павлом Ивановичем свободы личности как главного условия всякого общественного устройства. Достижение общественной гармонии подчинено высшей цели – личности как последней нравственной основе, как источнику и цели прогресса, как образу и пути осуществления абсолютного идеала, но не как средства<sup>23</sup>. Евразийскому учению более свойствен холизм, восприятие интересов целого как приоритетных по отношению к интересам отдельного индивида.

Научные представления П. И. Новгородцева, равно как и воззрения евразийцев классического периода, находились в постоянном развитии, динамике и отнюдь никогда не представляли собой застывшей догмы. Л. П. Карсавин подчеркивал, что евразийская идеология – не “окостеневшая”, а “свободно становящаяся система, определенная своими основными идеями, но не исключающая индивидуального многообразия ее пониманий. Не жесткие формулы, не личные взгляды того или иного евразийца ... определяют систему, а идея, по отношению к которой формулы играют роль служебную”<sup>24</sup>. В этом ракурсе позволим себе присоединиться к словам П. И. Новгородцева: “У людей всегда остается потребность продолжать любую действительность до бесконечности абсолютного идеала, и никаким устройством государства их нельзя удовлетворить”<sup>25</sup>. Стало быть, построение и осуществление любых теоретических конструкций, моделей и идеалов всегда будут носить относительный характер.

<sup>19</sup> Трубецкой Н. С. Основы евразийства. М., 2002. С. 194–197.

<sup>20</sup> См.: Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // В кн.: О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. СПб., 1883. С. 6.

<sup>21</sup> Новгородцев П. И. На пути к правовому государству // Новый мир. 1991. № 12. С. 216.

<sup>22</sup> См.: Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве. С. 374–376.

<sup>23</sup> См.: Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 67.

<sup>24</sup> Карсавин Л. П. Ответ на статью Бердяева о евразийцах // Путь. 1926. № 2. С. 124.

<sup>25</sup> Новгородцев П. И. Демократия на распутье. С. 554.